

ГЛАВА 10. ХРУСТАЛЬНАЯ СЕРЬГА

Вечер вторника выдался для И Цзяна на редкость тяжелым: из-за поступления новой партии книг он проторчал в библиотеке до десяти вечера. Сначала — классификация, затем — печать и расклейка кодов, расстановка по полкам и, наконец, объявление на доске у входа. Работа не самая сложная, но объемная и нудная, к тому же часть книг прислали по ошибке. Сперва он этого не заметил и успел наклеить бирки, так что потом пришлось выискивать их по списку и осторожно отдирать свежий клей.

К половине одиннадцатого, когда библиотека уже должна была закрыться, И Цзян, несмотря на всю свою неисчерпаемую энергию, чувствовал себя окончательно вымотанным. Заведующий объявил, что угощает всех поздним ужином, и велел собираться. И Цзян поднялся на девятый этаж, чтобы поставить на место последнюю книгу, и уже на выходе заметил две тени, скользнувшие вверх по лестнице, к десятому.

Первого человека он разглядеть не успел, но вторым точно был парень.

— Эй, ребята, библиотека закрывается! — крикнул И Цзян, бросаясь следом.

На лестничной площадке было пусто. Ни звука шагов, ни ответа. И Цзян уже решил, что ему померещилось, как вдруг сверху донесся грохот — будто что-то упало. Он взлетел на десятый этаж, но и там никого не обнаружил. Зато сверху тянуло сквозняком: дверь на крышу, которая обычно всегда была заперта, стояла настежь. Ночной ветер, ворвавшийся в коридор, обдал парня холодом.

«На крышу полезли? Что они там забыли в такое время?» — недовольно подумал И Цзян и вышел на открытую площадку.

Наверху — ни души. Только гулял ранний осенний ветер, заставляя ржавый громоотвод на краю крыши жалобно раскачиваться.

— Да ладно...

Он обошел всю площадку, заглядывая в каждый угол, но так никого и не нашел. В мертвенно-бледном свете прожектора было отчетливо видно: пол и перила покрыты толстым слоем пыли. Кроме собственных следов И Цзяна, на этой серой перине не было ни единого отпечатка.

«Глаза подвели?» — И Цзян потер веки. Усталость накатила с новой силой, в сон клонило немилосердно. Обычно он до полуночи бодр как огурчик, но сегодня, видимо, действительно перетрутился. Пора домой.

Он уже повернул назад к двери, как вдруг под подошвой что-то хрустнуло. Нагнувшись, И Цзян поднял с пола предмет и поднес его к свету прожектора. Это была серьга с подвеской в форме

кристальной капли. Она лежала совсем рядом с дверью, чистая и новенькая — разительный контраст с запыленной крышей.

Значит, кто-то здесь всё-таки был. Девушка? Хотя в их академии искусств это мог быть и парень... Вроде Цинь Чжэна.

«Наверное, услышали мой крик, бросили всё и сбежали. Могли и серьгу обронить в спешке. Может, парочка какая-нибудь место для свиданий искала?»

Убедившись, что на крыше точно никого нет, И Цзян прикрыл дверь и заметил на полу замок. Он был изъеден ржавчиной настолько, что стальная дужка просто переломилась пополам. Понятно, почему дверь открылась. На обратном пути он решил не пользоваться лифтом, а спуститься по лестнице, проверяя каждый этаж. Никого. Если студент застрянет в библиотеке на ночь, администратору несдобровать.

— Сяо Цзян, ты где пропал?

В вестибюле его уже ждали коллеги.

— Извините, — виновато улыбнулся он. — Там на крыше дверь ветром распахнуло, ходил проверять. Замок совсем сгнил, видимо, сто лет никто не поднимался.

— На крышу? — удивился заведующий. — Да, кажется, её заперли ещё в июне прошлого года и с тех пор не трогали. Замок сломался? Ладно, завтра купим новый.

Компания вышла из библиотеки, на ходу обсуждая, в какой ресторанчик податься. Голодные и уставшие люди быстро забыли о странном инциденте, но в голове И Цзяна всё крутился один вопрос: замок заперли в прошлом июне. В библиотеке везде расставлены поглотители влаги, чтобы беречь книги. И это десятый этаж, а не подвал. Откуда там взяться такой сырости, чтобы сталь превратилась в труху всего за год?

В ладони он ощутил холод металла. Поднял руку — та самая серьга. Хрустальная капля красиво ловила свет уличных фонарей. Застежка была странно выгнута, почти под прямым углом — неудивительно, что она так легко соскользнула.

— Сяо Цзян, ты чего застыл?

Его окликнули. И Цзян машинально сунул серьгу в карман и догнал остальных. Ужин за счет начальства был превосходным, и, сосредоточившись на еде, он быстро выбросил всё из головы.

— Ты объедаешься в ресторанах, пока я тут умираю с голоду! Ы-ы-ы!

Проклятье. Он совсем забыл про своего «Повелителя мусора».

— Неужели ты сидел и ждал? — И Цзян начал собираться в душ, попутно закидывая вещи в стиральную машину. — У тебя тут горы снеков, ими можно роту накормить. А если бы я вообще не пришел?

— Снеки — это под телевизор! А ну, марш на кухню!

— Я сначала в душ хочу, я вымотался...

— От плитки всё равно будет вонять жиром! Сначала готовь, потом вместе помоемся!

Сяо Бай буквально вытолкал его в кухню. И Цзян вздохнул: кажется, в нем действительно погиб великий кулинарный раб. Раньше он ещё пытался качать права, но потом привык и даже стал заказывать в ресторане продукты, которые особенно нравились соседу. То ли смирился, то ли втянулся. Теперь он всегда готовил на двоих, а Сяо Бай честно скидывался на еду и даже прибегал из корпуса в общежитие, чтобы пообедать вместе.

Если посмотреть на Сяо Бая со стороны, ни за что не скажешь, что это тот самый «Повелитель мусора». Всегда чистенький, ухоженный, прическа — волосок к волоску. Тратил бы он хоть половину усилий, которые уходят на внешность, на уборку комнаты — в их квартире не было бы свалки. Но у него на этот счет было свое мнение: то, что он вообще содержит себя в чистоте, — уже подвиг библейского масштаба.

— Сяо Бай, — И Цзян полез в холодильник и заметил на дверце прилепленную бумажку. Кривым почерком было выведено: «Спроси Сяо Цзяна, не случилось ли чего странного». — Это еще что? Зачем спрашивать?

— А, это... — Сяо Бай на мгновение завис. — Кажется, это какая-то тема для обсуждения. Сяо Гун заходил, что-то такое говорил, а я записал, чтобы не забыть.

— И всё равно забыл, — И Цзян закатил глаза. — Речь о конкурсе, небось? Что за «странности»?

— Не помню. Кажется, Сяо Гун советовал не есть что попало...

И Цзян помрачнел:

— По-моему, это он тебе советовал. Чтобы ты не жрал дрянь, а ждал, пока я приготовлю.

— А, ну да. Похоже на то.

— Господи, — выдохнул И Цзян. — Я и впрямь превратился в домохозяйку. С тебя еще пара обедов в счет морального ущерба.

— Обойдешься. Я хочу домашнее.

— Ладно-ладно, сейчас будет. Брысь отсюда, не мешайся под рукой!

Снова этот звук — лязг открываемой железной двери. И Цзян огляделся: вокруг непроглядная тьма. Глубокая ночь. Кто попрется в библиотеку на крышу в такой час?

Он быстро закончил дела и стал подниматься. Дверь на крышу распахнута, душный ветер доносит голоса.

Мужчина и женщина. Свидание? Стоит ли их тревожить? С одной стороны, библиотеку сейчас закроют, и они останутся здесь до утра. С другой — И Цзяну было чертовски неловко прерывать чье-то уединение.

Вдруг голоса сорвались на крик. Девушка завизжала. «Поругались?» — пронеслось в голове. Прерывать ссору куда менее неловко, чем нежности. И Цзян решительно шагнул на крышу.

— Эй! Библиотека закрывается, спускайтесь немедленно!

Парень стоял к нему спиной. Его силуэт показался И Цзяну до странности знакомым. Напротив него стояла девушка в белом шифоновом платье с завышенной талией — такие были в моде прошлым летом. Длинный подол трепетал на ветру, каштановые волосы до плеч обрамляли красивое лицо.

— Ребята, уже пол-одиннадцатого...

Они не реагировали. И Цзян направился к ним, продолжая увещевать. И тут девушка резко обернулась. Она подняла руки — изящные ладони, длинные пальцы, созданные для фортепиано, — и он замер.

На его глазах с этих прекрасных белых рук начала хлестать кровь. Жуткие раны разверзлись из ниоткуда. Ярко-алая жидкость текла по предплечьям, пропитывая рукава платья, и тяжелыми каплями срывалась с локтей на бетон.

— Эй! — И Цзян в ужасе бросился к ней, но вдруг осознал: парень исчез. Мгновение назад он стоял здесь, а теперь его нет. Он один на крыше, а перед ним — истекающая кровью незнакомка, которая смотрит на него в упор своими раскосыми, чуть прищуренными глазами.

— Сяо Цзян... Сяо Цзян!

Раздался звонкий хлопок. Левую щеку обожгло острой болью. И Цзян распахнул глаза и увидел перед собой Сяо Бая, который уже занес руку для второй пощечины.

— Ты чего творишь?! Больно же!

Сяо Бай опустил руку.

— Очухался? Ты дергался весь, как в конвульсиях. Решил, что тебя кошмар душит, спасать полез.

— Спасатель хренов, мог бы и полегче, — И Цзян потер щеку, окончательно приходя в себя.

Оказалось, он задремал прямо на диване в гостиной. На столе всё еще стояли грязные тарелки после ужина. Видимо, вырубился на пару минут.

— Весь воняешь кухней, да еще и холодным потом облился. Хорошо, что я тебя в душ не пустил, а то пришлось бы по второму кругу мыться.

Сытый Сяо Бай, поглаживая живот, удалился в свою комнату, по привычке оставив посуду И Цзяну. Тот и не надеялся на помощь — заставить Сяо Бая мыть тарелки было верным способом устроить локальный апокалипсис.

«Это из-за библиотеки такой сон дурацкий приснился?» — И Цзян усмехнулся собственной впечатлительности. Перемыв посуду, он наскоро ополоснулся и рухнул в кровать с мокрой головой. Сил не было даже на то, чтобы вытереться.

Но стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором возникали окровавленные руки той девчонки. Он подпрыгивал в холодном поту, сердце колотилось в горле. Час ночи, а сна ни в одном глазу. Рациональное объяснение — мол, это просто кошмар — больше не помогало. Чувства обострились до предела.

В комнате было темно, лишь свет уличных фонарей просачивался сквозь шторы, рисуя на стенах призрачные контуры мебели. И Цзян вдруг стал до жути мнительным: привычные вещи в полумраке казались искаженными, чужими.

Там, где тени накладывались друг на друга, тьма казалась густой, почти жидкой, словно она

шевелилась, стоило отвести взгляд. Любой шорох — стрекот цикад за окном или мерное гудение холодильника в гостиной — отдавался в ушах зловещим эхом.

Он зажмурился, пытаясь отгородиться от этого мира, но мозг работал на предельных оборотах. Неведомая сила заставляла его открывать глаза снова и снова, заставляя всматриваться в темноту. Тело слушалось, но дух словно придавило могильной плитой. Это не было похоже на обычный сонный паралич — это было предчувствие чего-то непоправимого.

Когда терпеть стало невозможно, И Цзян отшвырнул одеяло и, словно спасаясь от погони, вылетел из комнаты. Он ворвался к Сяо Баю, который, судя по заспанному и ошарашенному лицу, только что видел десятый сон.

И Цзян, не говоря ни слова, нырнул к нему под одеяло. Только коснувшись теплого человеческого тела, он понял, насколько сам продрог от ужаса.

— Ты чего... ночной налет устроил? — недовольно проворчал Сяо Бай.

— Заткнись, — шепотом отозвался И Цзян, всё еще дрожа. — Сам говорил: соседи должны спать вместе и болтать по ночам. Вот и давай, болтай.

— Да неохота сейчас... спать хочу...

— От сна после еды жиреют! Сказал — болтай, значит — болтай!

Сяо Бай изумленно приоткрыл один глаз:

— Ого, какая активность. Тебя что, тот кошмар так допек, что спать боишься?

«Не боюсь, а просто не могу!» — пронеслось в голове. Но признаваться в этом «Сяо Баю» И Цзян не собирался.

— Не хочешь — не надо. Потом сам прибежишь, а я не пушу!

Он обиженно отвернулся и крепко зажмурился. Сяо Бай что-то пробормотал — видимо, сон всё-таки взял свое, — и вскоре послышалось его ровное дыхание.

И Цзян наконец выдохнул. Когда рядом кто-то живой и теплый, кошмары отступают. Впервые за эту ночь он погрузился в спокойный сон.